

**Сергей
Галенко**

КОВЦЫ

16+

Сергей Галенко

Ковчег

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Галенко С. А.

Ковчег / С. А. Галенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Человечество задыхается от внутренних конфликтов, между колониями и Землей. Да и на самой Земле неспокойно. Зачастую целые экипажи боевых кораблей не подчиняются приказу. Существует и оппозиция в любой, подходящий момент готовая совершить переворот. Разговор с ними один - смертная казнь! Но отдельные представители правительства Земли и высшего командования понимают, что бунтарям можно предложить альтернативу смертной казни, правда без их ведома... Обложка с сайта: [rixabaу](#) с правом на использование и изменение.

Содержание

Ковчег	5
Часть первая	6
Глава вторая	7
Глава третья	10
Глава четвертая	13
Глава пятая	15
Глава шестая	17
Глава седьмая	19
Глава восьмая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ковчег

Часть первая

Глава первая

Я очнулся и попытался открыть глаза. Веки мои были страшно тяжелыми и склеены какой-то вязкой массой. Было тепло, но мокро. Не просто мокро. Я лежал, по самые ноздри, в плотной жидкости, не воде, а желе подобной субстанции. Она спеленала меня, и практически лишила возможности двигаться.

В носу у меня немилосердно буйствовала чесотка. Я пытался чихнуть, но долгое время это у меня не получалось. Я не мог набрать в легкие воздух, из-за твердых трубок, вставленных в мою носоглотку. Очевидно, через них мой организм снабжался кислородом.

Но вот я как-то извернулся и чихнул, да так, что мое тело, спеленутое липким желе, вздрогнуло и, я почувствовал вибрацию от сотен колебаний, колющих острыми иголками мое голое тело.

От напряжения веки мои широко распахнулись, и я увидел в двадцати сантиметрах над собой стеклянный потолок, на котором бегали в беспорядке сотни цифр разного цвета. Римские были перемешаны с арабскими. Они меняли цвет и интенсивность появления.

Само, за пределами моего саркофага, было темным, лишь вдалеке угадывались какие-то огни. И вот в этой темноте, сдобренной лишь пробегающими строчками цифр, родился и стал нарастать глухой, утробный гул, идущий казалось сразу со всех сторон.

Поверхность желе покрылось мелкой рябью и, как мне показалось, стало более податливым. Я пошевелил рукой, и мне это удалось, окрыленный этим успехом, я согнул ногу в колене. В этот момент саркофаг раскололся надвое и я вместе со всей начинкой грохнулся вниз.

Пал я метров шесть, но удара не почувствовал слой желе покрывший пол подо мною, сработал как подушка безопасности. Только горло и ноздри жгло немилосердным огнем, от вырванных трубок.

Вспыхнул неяркий свет. Но для моих глаз, неизвестно как долго находившихся в абсолютной темноте, он был шоком. Веки схлопнулись и мне стоило большого труда заставить их снова приоткрыться.

Сквозь ресницы я осмотрел помещение, в котором находился. Это был большой серый зал, уходящий на десятки метров вправо и влево, заставленный сотнями саркофагов, подобных тому, из которого «вылупился» я.

Пол и потолок выгибались небольшой дугой кверху. В каждом конце зала была широкая прозрачная дверь, а между саркофагами, прорисованы желтым, короткие пунктирные линии. К каждому саркофагу с потолка спускались несколько десятков толстых трубок, в некоторых циркулировала темная жидкость, другие казались пустыми.

Мой саркофаг висел сейчас над моей головой разрезанный точно пополам и с его краев на пол лениво падали тяжелые капли.

Я набрал полные легкие воздуха, почувствовал, что в нем присутствует еле ощутимая горчинка, и, оттолкнувшись руками от пола, встал на ноги. Было непривычно. Тело, отвыкшее от вертикального положения, постоянно стремилось завалиться на спину.

Я сделал первый неуверенный шаг, потом второй. Мой спящий мозг, наконец, включился и следующие шаги я сделал уже не думая, как и куда ставить ноги.

Я добрался до дверей и остановился напротив полосы, пересекающей сверху донизу огромное толстое стекло. Хотя может я и ошибался, и это было не стекло, а пластик или поликарбонатный сплав.

Ничего не произошло. Дверь не раздвинулась при моем появлении. Тогда я прикоснулся к ней рукой. Она была твердой, скользкой и теплой на ощупь.

Прямо на уровне моих глаз появился зеленоватый квадрат, из него вырвался луч, который быстро заскользил по моему лицу.

Потом створки двери вздрогнули и разъехались в стороны, открыв моему взору длинный серый коридор с чередой одинаковых дверей по сторонам.

– Эй! Ктонибудь меня слышит? – мой дрожащий голос, эхом отражаясь от стен, скрылся где-то в глубине бесконечных коридоров. – Кто-то живой есть?

– Есть, есть, есть... – Снова откликнулось эхо. Словно насмехаясь надо мной.

Я сделал несколько шагов вперед. Сзади, с легким вздохом, закрылась дверь. Я испуганно обернулся, но потом, взял себя в руки, и продолжил путь вперед.

Коридор загибался вправо и вверх. Метров через пятьдесят вправо и влево ушли такие же широкие, как основной коридор, ответвления. Я продолжил двигаться прямо. Коридор разветвлялся каждые пятьдесят метров. Я насчитал пять таких ответвлений. Итого, я прошел примерно триста метров.

Впереди молочно светилась еще одна дверь. Я подошел и протянул к ней руку. Как только я прикоснулся к ней, она исчезла в стене.

На пару секунд голова у меня закружилась, и мне стало дурно. И было от чего. Все место впереди занимала стена, состоящая из пустого, черного пространства, усеянная тысячами золотых и серебряных светлячков, которые перемигивались со мной. Кое-где были разбросаны разноцветные туманные пятна, еще больше оттеняющие и подчеркивающие бесконечность открывшейся мне картины.

Ровно посередине прозрачной стены ярко горел одинокий глаз желтой звезды. Он казался чем-то неправильным на этом общем нейтрально-далеком фоне. И, в то же время, он был притягивающим и прекрасным.

«Где я, почему тут? Или все это мне снится?» – Задал я сам себе давно созревший в голове вопрос. Но ответ так и остался где-то там, за стеной пока не открывшегося сознания.

Я переступил порог и, прямо передо мной, из ничего, возникли несколько серебристых колонн и ряды пультов с перемигивающимися огоньками, связанных между собой разноцветными лучами.

Я осторожно, чтобы ничего не повредить, и, не дай Бог, не нажать на какой-нибудь символ, прикоснулся к краю прозрачного пульта. Мой палец погрузился примерно на полсантиметра вглубь голограммы и замер, уткнувшись в твердую поверхность.

Внезапно, раздался легкий шорох, и что-то или кто-то легко прикоснулось к моему плечу:

– Привет!

Я замер от неожиданности и страха. Голос, раздавшийся за моей спиной, был как удар молнии в ясную погоду. Как удар грома!

Я медленно повернулся вокруг своей оси. Передо мной стояла стройная, полностью обнаженная девушка. Ее каштановые волосы мягкими волнами падали на плечи, частично прикрывая красивые груди. Руками она обхватила свое тело, словно пыталась согреться. Хотя в помещении было тепло, если не сказать жарко.

Ее зеленые, не мигающие глаза, испуганно и с надеждой смотрели на меня, словно от меня зависела ее жизнь.

И вот только сейчас я понял, что тоже стою перед ней абсолютно обнаженным. Нет. Я не прикрылся от смущения руками, а только неуверенно поджал губы.

Глава вторая

Девушка смотрела теперь сквозь меня на пустоту за моей спиной:

– Что это? Мы в космосе?

Она испуганно всхлипнула и прижалась горячим мягким телом ко мне. Как, почему? Ответить на ее вопросы я не мог, но чтобы успокоить в нерешительности положил ей на талию свою ладонь, а второй погладил нежно, по голове.

– Ты что-нибудь помнишь? – прошептал я ей на ухо. Девушка отрицательно покачала головой и еще сильнее вжалась в меня.

– Я тоже! Пойдем, поищем, где можно отдохнуть и поспать. Думать, и вспоминать будем завтра. За это время может еще кто-нибудь проснетесь, из тех, кто что-то знает.

– Как тебя зовут? – спросил я ее пока мы шли по коридору. – Меня Дейв.

– Лана, – девушка улыбнулась и протянула мне маленькую ладошку, которую я осторожно пожал.

Мы вошли в коридор с множеством одинаковых дверей. Я остановился у первой и дотронулся до нее рукой. Дверь скользнула в сторону. Мы прошли внутрь.

Это была довольно просторная комната. В стене, напротив входа, белел экран огромного монитора, справа стоял металлический стол и стулья, привинченные к полу. А слева, расположилась ниша с большой удобной кроватью.

На входе за матовой дверью скрывалось еще одно помещение, очевидно, душевая и туалет. Напротив нее пустая ниша, мне показалось, что это гардероб.

– Располагайся, Лана, – я хозяйским жестом обвел помещение, – я займу соседнюю каюту.

Я повернулся, чтобы уйти и тут увидел, рядом с дверью, нишу сканера, снимающего отпечатки пальцев:

– А вот и ключ, Лана! Оставь свой отпечаток пальца, и войти или выйти из комнаты сможешь только ты. Все, отдыхай, если что я за стеной, стучи или колоти!

Я вышел в коридор, и дверь за моей спиной встала на свое место. Соседняя комната открылась так же легко. Я отсканировал указательный палец правой руки и плашмя упал на кровать, зарывшись лицом в мягкую подушку.

Усталость взяла свое и я заснул. Снов я не видел или не помнил, а когда открыл глаза, была ночь, точнее темнота, только на противоположной стенке неярко светился желтый глазок.

Я приподнялся на локтях и сел на кровати. Кювета словно только этого и ждала, с потолка полился неяркий свет, интенсивность которого постепенно увеличивалась.

Я открыл душевую. Она была совершенно пуста, только на полу был светящийся круг диаметром около метра. Я пожал плечами и встал в середину.

Наверху раздался неясный шелест и на мое тело полились струи теплой воды. Открылась ниша и в ней оказался тубик с душистой жидкостью. Я намазал им все тело и волосы.

Снова пошла вода, только струи, на этот раз, были более настойчивы и плотнее. Я, оже-сточенно, смывал себя остатки слизи из саркофага, хотя, визуальнo, на мне ничего не было, но я тер свое тело до боли, до красноты.

Потом душ прекратился, и от стен повеяло теплым воздухом, который моментально высушил мою кожу и волосы.

В противоположной стене возникло зеркало, из которого на меня смотрел в меру небритый молодой человек с грустными карими глазами, короткой стрижкой и скуластым лицом с аккуратным носом и узкими губами.

Я вышел из душа, стянул с кровати простынь, завернулся в нее и снова лег, удобно устроившись у стены, подложив подушку под спину.

Чувствовал я себя бодрым и отдохнувшим, только очень хотелось есть.

В мою дверь кто-то несмело поскребся.

– Лана? – я подскочил к двери и вставил руку в сканер замка.

Лана стояла в проеме, слегка улыбаясь, обернутая, как и я в белую простыню.

– Как-то голодно, – с порога произнесла девушка, – может, пойдем, поищем съестное?

– Ты украла мои слова! – рассмеялся я и вышел в коридор, запечатав дверь.

Мы снова шли по серым широким коридорам, корабля. Теперь мы точно знали, что находимся на борту огромного звездолета, далеко за пределами родной планеты Земля. Да что там планеты, от солнечной системы. Вопрос только в том, как мы на него попали.

На первой развилке мы свернули в левый коридор, который довольно резкой дугой устремился вниз. Мне показалось, что мы движемся по огромной спирали, постепенно сокращая витки.

– Тебе не кажется, что мы стали весить меньше? – Лана тронула меня за локоть.

– Мы движемся к центральной части звездолета, а, значит, центробежная сила уменьшается. В самом «сердце» корабля наступит невесомость. – С умным видом ответил я. Хотя сам не слишком хорошо разобрался в физике.

– Тогда столовой там точно нет!

– Все равно, надо посмотреть, куда ведет этот коридор.

Мы прошли еще метров двести и уперлись в монолитную железную стену. На ней горели два огонька зеленого цвета, рядом с которыми находилась пара одинаковых, круглых отверстия диаметром в три сантиметра, внутри которых ничего не было.

Мы покрутили головами в надежде увидеть хоть какой-нибудь намек на проход, но тщетно. Стена не хотела пускать нас дальше. Сила тяжести здесь была примерно такая же, как на Луне. Ни с чем мы вернулись назад и отправились исследовать правый коридор.

Это коридор, в отличие от левого поднимался вверх, раскручивая спираль в противоположную сторону. Столовую мы нашли почти сразу, пройдя всего метров сорок. Это был огромный стеклянный зал, примерно пятьдесят на пятьдесят метров, усеянный десятками столиков. В дальнем углу, возвышались большая барная стойка и несколько промышленных холодильников.

– Столовая! – Лана, ловко обходя столы, пошла через обеденный зал. Я последовал за ней.

– Я открою, – опередил я Лану, которая хотела тянуть на себя огромную много килограммовую дверь холодильника.

Я отжал ручной стопор и потянул створку на себя. Она беззвучно отъехала в сторону.

Мы сидели за столиком и набивали свои желудки сушеным мясом, картофельными чипсами, консервированными овощами и запивали все это простой водой.

– Хорошо! – наконец, откинулся я на спинку стула и громко икнул. – Извини, Лана!

– Ничего страшного! – икнула она мне в ответ и громко рассмеялась.

В баре мы нашли огромный запас спиртного, но пить сейчас не рискнули, решив оставить это удовольствие на вечер.

– Теперь осталось узнать, куда мы летим и каким ветром нас задуло на борт корабля. – Я посмотрел на покрасневшее лицо Ланы.

– Я думаю наша цель или точнее цель звездолета, та желтая звезда в центре экрана в рубке. – Лана утерла губы тыльной стороной ладони.

– Кстати, наше Солнце тоже желтый карлик! – вспомнил я свои немногочисленные познания в астрономии.

– Найти бы еще какую-нибудь одежду, – переменяла тему разговора Лана.

– Давай, займемся этим завтра, – я взял девушку за руку. Она улыбнулась мне и согласно кивнула.

– По каютам?

– Пошли!

Я взял в руки по большому свертку, куда мы положили немного вяленого мяса, чипсов, сухофрукты с шоколадом и две бутылки с коньяком ну и чистую воду.

– До завтра?! – остановился я у двери в каюту Ланы.

– Может, посидим часок у меня? Мне тяжело одной. – Лана умоляюще посмотрела на меня.

– Отлично! Я не против, провести «вечер» в компании с симпатичной девушкой.

Лана открыла дверь каюты.

– Ты не пробовала включить телевизор?

– Нет. Давай вместе поищем пульт.

– Тут что-то другое, пульт слишком примитивно. Попробуем так: Музыка!

Лана хотела было мне возразить, но не успела. Экран вспыхнул, и послышалась тихая мелодия, сопровождаемая красочными картинками космоса.

Я откупорил коньяк и протянул бутылку Лане. Бокалов у нас не было и пришлось пить из горлышка. Лана сделала небольшой глоток и передала коньяк мне. Она тут же покраснелась и в ее глазах заиграли веселые чертики.

– За тебя! – пригубил я коньяк, и откусил кусочек шоколада. Лана налегала на сухофрукты.

– Ты помнишь всю свою прежнюю жизнь? – Лана сделала еще глоток.

– Иногда мне кажется, что да, но бывают моменты, когда я упираюсь в непреодолимую стену, за которой что-то есть, но узнать, что там, я не могу. Словно кто-то запер часть моего мозга на замок.

– Со мной такая же история. Ладно, Дейв пора спать! Увидимся утром.

– Пока! – я осмелился поцеловать ее в щеку и вышел в коридор.

Глава третья

Я сидел на жесткой металлической скамье, ввинченной в бетонную стену грязно зеленого цвета. Свет в помещение пробивался только сквозь небольшую отдушину под потолком, шириной сантиметров пятнадцать и в метр длинной.

Моя правая рука была туго сжата кольцом наручника, вторая часть которого крепилась к толстому металлическому креплению в стене. В пределах досягаемости левой руки стояла пластиковая бутылка с водой, на такой же металлической, как скамья, табуретке.

На мне был одет ярко оранжевый комбинезон с ослепительно белым пятном на груди в районе сердца. Мои ноги сковывали тяжелые свинцовые ботинки. Из чего я сделал вывод, что нахожусь на спутнике. И лишь одно место соответствовало таким жестким условиям содержания – каторжная тюрьма ТОП.

Выхода отсюда было только два. Либо пожизненная каторга на урановых копиях на Титане, либо смертельная инъекция и легкий, почти кайфовый, уход, во всяком случае, так говорят врачи. Впрочем, все, кто получил укол тиопентала и павуола, своими впечатлениями уже не делятся.

Я посмотрел на часы они, как и телефон были вживлены в ткань левой руки. Поэтому отобрать их у меня не смогли, не вырезать же мне коммуникатор из руки и ушной впадины! Можно было, конечно, отрезать запястье руки, но это уж совсем не гуманно!

Было почти двенадцать дня по средневропейскому времени Земли. Телефоном я воспользоваться не мог, здесь любой электронный сигнал намертво глушили встроенные в стены детекторы, а поэтому, развлекался единственно возможным способом, рассматривал зеленые и красные подтеки на стенах.

Ровно в двенадцать, дверь отворилась, и в мою камеру вошли три охранника, телосложением напоминавшие огромных горилл. Лица у них были совершенно невыразительные, из тех, что никогда не запоминаешь.

Один из них достал электронный ключ и отсоединил наручник от стены, сковав, зачем-то, обе мои руки. Можно подумать я мог сбежать со спутника. Ну, разве что, покончив счеты с жизнью. А я сейчас ценил каждую секунду. Мало ли, что может измениться в этом мире. Вера и надежда умирают последними!

Когда в камеру вошли врач и священник, я все понял. Это меня почему-то не удивило и даже не напугало. От священника я просто отмахнулся и сам, без помощи надзирателей вышел в коридор.

Я уже давно был готов к приговору военного трибунала. За мое преступление, неповиновение правительству и подстрекательство к бунту экипажа боевого крейсера звездного флота, наказание могло быть только одно – смерть!

– Делайте свою работу! – шепнул я на ухо врачу и пошел по коридору.

Меня положили на удобное мягкое ложе, больше походящее на кровать, чем место приведения в исполнение приговора. Руки и ноги мои обхватили легкие титановые кольца, изнутри обернутые толстой, мягкой кожей. Зачем? Если меня все равно убьют!

Вошли врач и медсестра, толкающая перед собой серебристый столик на котором стояла капельница с двумя разноцветными колбами и кучей проводов и трубок.

Девушка нагнулась надо мной, и закатала рукава оранжевой куртки. Она взяла со столика пистолет-шприц и сделала укол в вену:

– Ничего не бойся!

Я хотел удивиться, но у меня ничего не вышло. В глазах у меня вспыхнули огни, зрение затуманилось, и я впал в состояние оцепенения, сквозь которое доносился непонятный разговор нескольких человек, проводивших с моим бесчувственным телом манипуляции.

Потом сознание мое выключилось полностью... Я умер!

Я проснулся и прошел в душ. Голова немного кружилась, то ли от выпитого вчера коньяка, то ли от воспоминаний пробивших защитный блок в моем мозге сегодняшней ночью.

Все постепенно становилось на свои места. Оставалось вспомнить, за какой бунт меня отправили в тюрьму для особо опасных преступников. А как мы все попали на звездолет я, кажется, догадался.

Раз меня вывели из анабиотического состояния первым, я, выходит, капитан этого звездолета. Вот только все мои навыки спрятаны где-то в глубине затуманенного сознания.

Кто же тогда Лана? Если исходить из логики – мой первый помощник и астронавигатор. Вспомнила ли она сегодня, что-нибудь из своей прежней жизни?

Струи воды приятно омывали мое лицо и тело, настраивая на спокойный лад. Я подождал, пока потоки теплого воздуха полностью обсушат мое тело, и стал искать в душевой бритвенные принадлежности. Все оказалось просто. Я прикоснулся к стенке под зеркалом и открылся небольшой ящик, в котором лежала электробритва и куча всяких кремов.

Я побрился, намазался кремами, которые освежили мое лицо. Я вышел из душевой, полностью готовый к встрече с Ланой, чтобы продолжить наши вчерашние поиски.

«Неплохо было бы обнаружить средства связи», – подумал я и открыл дверь.

Я постучал комнату Ланы.

– Проходи! – она открыла дверь и отступила в сторону. Смотря на меня как-то по-новому.

– Тебе тоже приснились вещие сны? – спросил я ее, устраиваясь на табуретке. – Итак, за что приговорили тебя?

– Выпьем, капитан? Ведь ты капитан? – Лана достала вчерашний коньяк, воду и пачку чипсов.

– Почему нет! А ты рассказывай.

– Я для храбрости, – девушка сделала глоток коньяка и задумчиво посмотрела на меня. – Я убила человека.

– Все мы здесь не святые. Я организатор заговора против правительства. Но это единственное, что я вспомнил.

– Я застрелила труса. Но как, и кто это был, не знаю! Понимаю только, что это было правильно. Еще я помню, что я астрогогатор. А дальше стена. Ну, и конечно, казнь...

Лана еще раз отглотнула коньяка и расплакалась.

– Вот и я, хорошо помню только казнь. – Я встал из-за стола. – Пойдем, исследуем корабль.

– Вернемся в наш «крематорий» – Лана взяла меня под руку.

– Почему в «крематорий»? – удивился я.

– Так ведь мы все вроде как мертвецы, если верить сну.

– Хорошо! «Крематорий», так «крематорий»!

Главный коридор спускался пологой дугой вниз. Мы подошли к входной диафрагме. Дверь открылась, и мы вновь шли между ярами саркофагов. Ради интереса я сосчитал их. Зал вмещал двести анабиозных камер.

Лана в это время остановилась возле одной из них:

– Эта через три часа пять минут откроется. Вот таймер. Думаю теперь очередь главного механика.

– Надо запомнить часы пробуждения людей на ближайшие сутки. – Я подошел к девушке и заглянул через ее плечо. Таймер отсчитывал секунды. Потом цифра пять сменилась на четверку.

– Пройдем по всем саркофагам. Ты по левой стороне, я по правой.

Через полчаса мы знали, что в следующие двадцать четыре часа должны были проснуться еще три офицера.

Вторая дверь открылась, как и все здесь, от легкого прикосновения руки. Мы вновь очутились в коридоре, теперь поднимающемся вверх. И двери здесь тоже были, только расстояние между ними стало гораздо больше.

Я открыл первую. На полках здесь лежали сотни комплектов белья и одежды. Строго пронумерованные по размерам все разных цветов. Каждое отделение было подписано. У входа я увидел свое имя «капитан Дейв Золотов» и стопку одежды черного и белого цвета. Имя по соседству гласило, что это одежда Ланы Козич, первого помощника капитана и астрогогатора. И так далее по убыванию званий. Если брать пехотные звания, я был полковником, а Лана майором.

Совершенно не стесняясь друг друга, мы сбросили с себя простыни и переоделись в чистое, словно из прачечной, белье и одежду. Лана теперь была в синей юбке до колен и строгой белой блузке, приятно подчеркивающей округлости и выпуклости ее груди, лифчик она, конечно не носила, да и зачем он молодой девушке.

Я оделся в черные шорты и белую рубашку навыпуск, со знаком солнца на левом кармане и четырьмя золотыми нашивками на правом плече.

В глубине был еще один шкаф, в котором находилась обувь. Я надел удобные светлые мокасины, а Лана босоножки на плоской подошве.

– Продолжаем путешествие. – Я вышел в коридор и подошел к следующей двери.

– Почти уверена, что здесь будут средства коммуникации и штрих-карты, для помещений особого доступа.

Моя спутница оказалась права на сто процентов. Мы разжились личными коммуникаторами, которые были здесь сложены в одной большой нише, прихватив с собой еще несколько штук на всякий случай.

Большая стена напротив двери была похожа на огромные пчелиные соты. Под каждой ячейкой была надпись с именем, фамилией и простейший сканер. Я нашел свою ячейку, благо она была первой в первом ряду и приложил к сканеру указательный палец.

Из ячейки медленно выполз серый цилиндр. Его верхняя часть отошла в сторону и внутри оказалась темная кожаная сумка. Я достал ее и открыл. Сумка была разделена на несколько частей, в которых лежали штрих-карты и электронные ключи. Память неожиданно подсказала мне, что это ключи для запуска систем звездолета и активации аварийного режима, при необходимости.

Лана тоже получила свой цилиндр и свою сумку со штрих-картами и набором ключей.

Теперь мы имели доступ ко всему кораблю, вот только не знали, как всем этим пользоваться.

На очереди была третья дверь. Прикосновение руки она не открылась.

– Кажется, я знаю что там – это оружейная. – Я открыл сумку и достал штрих-карту, на которой был золотой капитанский значок. Примерно на высоте в полтора метра от пола, был узкий паз, я вставил в него пластик. Дверь открылась.

– Ты уверен, что нам ЭТО нужно? – Лана посмотрела на меня.

– Уверен! Капитан, на мостике, всегда должен быть при оружии. Это мне подсказывает мой внутренний голос.

– Хорошо, что мне оно не понадобится! – Лана встала у стены, отказываясь входить внутрь.

– Ты же уже применяла оружие.

– Вот поэтому оно мне и не нужно!

– Учти, мы не знаем из кого состоит команда звездолета. Может там половина убийц и насильников.

– И тем не менее!

Я взял с полки портупею и заправил ее в шорты. На ней было две кобуры. Одна для небольшого пистолета-парализатора, вторая для боевого бластера, оружия огромной разрушительной силы. Я взял то и другое.

– Возьми хотя бы парализатор. – Протянул я девушке пистолет. – Убить никого не убьешь, но для защиты в самый раз. Тем более ты должна уметь защитить своего капитана.

– Это приказ! – настойчиво сказал я, видя как она кривит губы.

– Есть, капитан! – Лана приняла из моих рук легкий пистолет и сунула его в карман юбки. – Все! Пошли отсюда!

Мы вернулись в «крематорий».

Глава четвертая

Я посмотрел на запястье. Хронометр показывал почти пять часов пополудни. Через несколько минут должен был открыться третий саркофаг. И мы увидим нового члена экипажа. Третьего по значимости на корабле. Лана считала, что это механик.

– Сейчас! – Лана тоже смотрела на часы.

Саркофаг напротив нас вздрогнул, испустив утробный вой и немного опустился вниз. Потом он раскололся пополам и на металлическую палубу, как при родах вылилась упругая жидкость, и свалилось голое тело.

Несколько секунд человек лежал без признаков жизни. Потом голова его поднялась, и он осмотрелся вокруг себя, протирая глаза рукой. Наконец, он увидел нас и его взгляд сфокусировался на мне.

– Где я? – прохрипел он, выплевывая изо рта остатки вблизи. – Кто вы?

– Все вопросы потом, мы поможем вам дойти до каюты и привести себя в порядок. – Я подошел ближе и протянул ему руку. – Вставай!

Он встал на колени и, вцепившись в протянутую руку, поднялся на ноги. Его немилосердно шатало, а взгляд никак не мог сконцентрироваться на чем-то одном.

Наконец, он встряхнул головой и при моей помощи сделал несколько шагов:

– Пойдем.

– Как вас зовут? – поинтересовалась Лана.

– Вадим. – Односложно ответил воскресший.

Мы провели его в каюту рядом с моей.

– Твоя комната,ходи, – я открыл дверь. – Встретимся у тебя через два часа.

Он ничего не ответил, просто перешагнул порог, и дверь за ним закрылась.

– Он сейчас в шоке, как и мы вчера. – Лана нервно поправила локон упавший ей на лоб. – Пусть приходит в себя, а я предлагаю перекусить.

Ровно через два часа я стучал в дверь каюты Вадима. Он словно ждал нас с Ланой. Не успел я отвести руку от двери, как она раскрылась.

Третий полностью преобразился. Ему было лет тридцать– тридцать пять, темные волосы аккуратно причесаны, лицо вытянутое с большими карими глазами. Роста он был среднего, где-то около метр семьдесят.

Вадим завернулся в простыню и сейчас напоминал привидение.

– Привет! – он протянул мне руку и дружески улыбнулся Лане. – Проходите.

– Я думаю, мы сейчас отведем тебя рубку, чтобы окончательно снять все вопросы. Ты, наверное, понял, что мы не на Земле? – Я похлопал его по плечу.

– Если честно до этой секунды надеялся, что все это чей-то глупый розыгрыш.

– Твоя казнь и последующее воскрешение, тоже? – Лана насмешливо посмотрела на третьего.

– Какая казнь? – Вадим опешил и смотрел на нас растерянно.

– Ай, я забыла! Ты ведь пока ничего не вспомнил! Завтра поймешь. А теперь вперед, в рубку.

– Пить хочешь? – я протянул Вадиму бутылку с водой.

Он жадно сделал несколько больших глотков:

– Может у вас и еда есть?

– Есть. Но обед потом. Заодно и приоденем тебя.

Так за разговором мы преодолели весь путь до корабельной рубки. Я приложил руку к двери, и она раздвинулась перед нами.

– Что это? – третий схватился за перегородку.

– Это космос. А в центре ближайшая к нам звезда, очевидно близнец нашего Солнца. К ней и направляется звездолет.

Ближе к полуночи саркофаги изрыгнули еще двоих. Женщину и мужчину.

Я предложил Лане пари:

– Один из них энергетик, а второй нутрициолог. Твои варианты?

– Согласна с нутрициологом, если люди начнут пробуждаться партиями, кто-то должен следить за правильным питанием. А вот второй, я думаю, планетолог.

– Есть еще вариант, что один из них врач. При длительном анабиозе, кроме потери ориентации, случаются психические и психологические травмы.

Пока мы рассуждали, наблюдая за лежащими в желе телами, женщина первой пришла в себя и села на палубе, поджав под себя ноги. Мы с Ланой подошли к ней и помогли подняться.

Она смотрела сквозь нас, ничего не понимающим взглядом, а потом тихо заплакала.

– Как вас зовут? – прервал я ее всхлипы.

– Вера. Вера Боска. – Она, наконец, посмотрела на меня и Лану. – Где я?

– На звездолете, в глубоком космосе. – Ответила за меня Лана.

Если я думал, что это ее потрясет, я ошибся. Вера, казалось, не обратила на эти слова Ланы никакого внимания, просто наклонилась, и стала разминать затекшие от долгого бездействия ноги.

Мужчина поднялся сам. Он подошел к нам, тяжело дыша и разминая, осторожными движениями, широкие плечи.

– Оскар Плавунов. – Представился он. – Не знаю кто я и чем занимаюсь, но я с Земли.

– Сейчас мы отведем вас в каюты. Там приведете себя в порядок, поспите. Завтра утром встретимся, может что-то прояснится.

Глава пятая

Фокус, боевой крейсер класса Скиталец, дрейфовал над единственной обитаемой планетой в системе Альфы Пегаса. На мостике была приятная прохлада и полумрак. На обзорном экране неспешно проплывали материки и моря Теи-2, кое-где подернутые дымкой прозрачных облаков.

Группа высадки еще двенадцать часов назад отрапортовала об успешной посадке, и следующий сеанс был запланирован на два часа ночи, по корабельному времени.

Астрогатор Фокуса Лана Козич, сидела одна-одиошенька в кресле пилота, забравшись в него вместе с ногами, предварительно скинув на палубу тапочки.

Ее вахта заканчивалась. Она посмотрела на хронометр экрана и вздохнула. Цифры неуклонно двигались к единице. Жаль, она не сможет увидеть Томаса, командира группы и по совместительству ее мужа и перекинуться с ним парой фраз.

Лана прижалась подбородком к оголенным коленкам и улыбнулась, вспомнив, как Томас поцеловал ее перед посадкой в катер.

В этот момент на экране пульта связи загорелся зеленый огонек. Вызывала Тея.

Козич вскочила как ужаленная:

– Компьютер, изображение на основной экран.

Яркая вспышка, почти ослепила ее. А вслед за этим появилось встревоженное лицо ее мужа:

– Нас атаквали, ведем бой, Тай и Быков убиты. Катер поврежден, улететь с планеты не можем. Просим срочной эвакуации. На этом передача оборвалась.

С секунду, Лана, потрясенная услышанным, смотрела на пустой экран, а потом нажала на сигнал тревоги. По Фокусу понесся режущий слух и нервы звук.

– Капитан,– Козич бросилась навстречу высокому человеку в черном мундире,– группа высадки...

– Включи запись, – прервал ее капитан.

Лана немедленно подчинилась. Она не слушала, что говорил ее муж, перед глазами стояло его встревоженное лицо.

– Значит, планета обитаема. – Павус, потер подбородок. – И мы нарушили первую директиву, запрещающую высадку на миры с разумной жизнью.

– Так точно, шкипер! – подошел к Павусу ксенобиолог. – Если мы попытаемся вмешаться снова это военный трибунал, тюремный срок, лишение льгот и званий.

– Там же наши люди, там мой муж! – выкрикнула Лана. Вы что решили бросить их?

Павус не обратил на ее слова никакого внимания:

– Приготовиться к сходу с орбиты. Первый пилот займите место астрогатора. Лана покиньте рубку!

– Вы предатель капитан. – Лана вырвалась из рук схватившего ее за плечи ксенобиолога, выхватила из кобуры бластер и выстрелила Павусу в лицо.

Через месяц Фокус прибыл на земную базу Селена. Все эти тяжелые тридцать дней, Лана провела в одиночестве, запертая в карцере крейсера. С ней никто не разговаривал, только стюард, раз в два дня приносил ей бутылку воды и пищевые концентраты.

Из корабля ее вывели закованную в кандалы с мешком смертника на голове. И тут же на луноходе отправили в ТОП, тюрьму для особо опасных преступников.

Трибунал был скор и беспощаден. Тройка юристов, без ее присутствия, в течение минуты вынесла вердикт: «Виновна по всем пунктам обвинения, приговаривается к смерти»!

– Адмирал! – Вера Боска лейтенант интендантской службы звездного флота, отсалютовала командующему флотом.

– Вольно, лейтенант, – адмирал протянул ей загорелую руку, на которой не хватало большого пальца, а указательный был лишен первой фаланги.

Вера с благоговением пожала ее. Вспомнив при этом, что адмирал Коблец потерял их при атаке на спутники Центавра.

– Вы вызвались добровольцем?

– Так точно, господин адмирал!

– А как же ваши родные?

– У меня никого нет.

– Я хочу предупредить вас, Вера, что миссии подобной полету Ковчеха, еще не было в истории освоения космоса. Полет займет почти пятьдесят лет, даже при варп-прыжках.

И большую его часть придется провести в глубокой гипернании, полностью перепоручив управление кораблем компьютеру. Случись что, вам никто не поможет.

Экипаж почти полностью состоит из людей, приговоренных к смерти. Нет, они не уголовники. Это все офицеры нарушившие приказ, бунтовщики и те, чьи действия или бездействие привели к гибели товарищей.

Вы и еще десяток специалистов исключение в их среде. Это понятно?

– Да, адмирал! – Вера твердо посмотрела в глаза Коблецу. – Меня никто и ничто не связывает с Землей.

– Вас ознакомили с целью миссии?

– Только в общих чертах. Ковчег направляется к системе Призрака в пятистах парсеках от Земли. Чтобы исследовать звездную систему из семи планет, на четвертой от местного солнца, зонд Коперник обнаружил водную среду, насыщенную кислородом атмосферу и обильную растительную жизнь.

Согласно данным с Коперника разумная жизнь на планете отсутствует.

– Все верно! Кроме одного обратно вы уже не вернетесь. Основная задача Ковчеха основать колонию на дальних рубежах.

– Я не откажусь, командующий.

– Хорошо! Завтра я познакомлю вас с другими добровольцами.

– Мне нужен на Ковчеге не просто механик, а волшебник. –Администратор Теодор Кругляк, расхаживал по кабинету гросс-адмирала Михаила Коблеца заложив руки за спину и клюя головой, как хищная птица. – Вы дадите мне такого?

– Успокойтесь, администратор. – Коблец стукнул кулаком по столу. – Не устраивайте здесь цирк. Вы все-таки не дешевый актеришка, а руководитель нашего проекта. Ваш механик у меня в приемной. Ждет не дожидаясь, чтобы познакомиться с вами.

Адмирал вызвал секретаршу:

– Клариса, позовите Ставица.

Дверь открылась, и в кабинет вошел подтянутый майор космического флота:

– Адмирал, администратор. – Майор залихватски щелкнул каблуками и отдал честь.

– Присаживайтесь, Ставиц, – адмирал пожал майору руку.

– Вы тот самый Ставиц? – администратор остановился напротив майора и в упор разглядывал его лицо.

– Я Вадим Ставиц, главный инженер флагмана Беркут. – На лице Ставица не дрогнул ни один мускул.

– Тот самый, что создал внутрисистемный варп-генератор? Разрешив проблему гравитационных и силовых аномалий.

– А вы об этом. Я только доработал уже существующий генератор.

– Он мне подходит! – администратор беспардонно схватил адмирала за руку и потряс ее.

– Может, спросим у Ставица, захочет ли он составить компанию вам. А, Ставиц?

– Я готов, адмирал.

Глава шестая

– Одевайтесь, дамы и господа! – я открыл вход в хранилище одежды. – Там все подписано и пронумеровано. Жду в коридоре.

– Ну, сейчас решится, кто из нас был прав! – Шепнула мне на ухо Лана.

Первым в проеме появился в форме майора – инженера Вадим, за ним, поправляя юбку, Вера с нашивками лейтенант – интенданта.

– Один – один! – я насмешливо взглянул на Лану.

Вера вышла в коридор, уступая место Плавунову. Он был в белом кителе военврача в звании капитана.

– Ничья! – тихо сказала Лана.

– Господа и Дамы! – громко произнес я. – Нас сейчас пятеро. Это облегчает дальнейшие действия. Лана, Вера и Оскар идут в зал гипернации и записывают время пробуждения наших товарищей. Я с Вадимом займусь исследованием кормы звездолета. Там должны находиться технические отсеки.

В соседних помещениях шифровальная и оружейные комнаты, получайте личные коды и, если есть желание оружие. Корабль нам неизвестен, мы даже друг друга не знаем, поэтому рекомендую в целях безопасности взять хотя бы парализаторы.

Мы пошли по коридору, закручивающемуся вверх метров триста. По моим подсчетам сейчас мы были в самой верхней, ну или нижней точке звездолета. Справа и слева были два больших углубления высотой в полтора человеческих роста.

– Думаю, нам налево. – Инженер приложил руку к полосе в стене. Перед нами открылся очередной тоннель, на этот раз прямой как стрела. В конце которого виднелась еще одна дверь, с большим красным кругом посередине. В разные стороны от коридора, примерно через каждые двадцать метров, дугами вниз, уходили другие проходы, а между ними узкие, как на катерах, люки.

– Что теперь, Вадим? Инженер ты, командуй! – я пропустил его вперед. И он уверенным шагом двинулся к последней двери.

Вадим приложил к двери руку. Ничего не произошло. Тогда он достал из сумки, перекинутой через плечо, флеш-ключ и вставил его в паз на уровне груди.

Раздался легкий свист и перед нами открылся довольно большой зал, снаряженный полупрозрачными мониторами, панелями, пультами и креслами.

Передняя стена была прозрачной, и сквозь нее открывался вид на еще один зал, размеры которого впечатляли. Его середину занимал тор гигантских размеров, сквозь который проходили десятки труб разного диаметра и размера.

– Сердце Ковчеха. – Чуть слышно произнес инженер. – Гипертора такого размера я не видел никогда!

– Что? – я удивленно посмотрел на него. – Откуда ты знаешь? Я, например, ничего не помню.

– Понимаешь, капитан, на Ковчеге не только осужденные. Я вот вольнонаемный, доброволец. И мне никто не блокировал память. Хотя гипернация и мое сознание не пощадила. Мне тоже придется многое вспомнить.

– И кто еще добровольцем на корабле?

– Знаю только одного, но он пока спит, это администратор Теодор Кругляк. С прочими не знаком.

Лана и Плаунов методично осматривали и сканировали саркофаги, а Вера вносила все данные в накопитель, который прихватила, когда вставляла в ухо личный коммуникатор.

Лана шла по правому ряду саркофагов, Плаунов по левому. В каждом ряду было ровно по сто капсул. И если на корабле не было других отсеков, то экипаж звездолета состоял из двухсот человек.

«Как странно», – подумала Лана, – «даже на самых крупных земных кораблях экипаж никогда не превышал тридцати космонавтов. А вместе с группой высадки – полусотни. Какова же наша миссия?»

– Все, конец! – послышался в ухе громкий голос Плаунова. – А что у тебя, Лана?

– Я тоже всех обошла.

Плаунов и Лана подошли к Вере, стоящей в проходе с накопителем в руке.

– Итого? – спросил Плаунов.

– Сто девяносто пять душ. – Ответила Вера.

– Ну, это мы и так знаем. Когда ждать следующее пробуждение.

– Двое выйдут из анабиоза завтра вечером.

– Один в камере сто двадцать пять, я знаю, а второй? – Оскар покосился на Лану.

– Камера пятнадцать.

– А когда проснутся остальные? – спросила Лана Веру.

– Следующая партия только через трое суток, но сразу десять человек. И так каждые следующие двое суток.

– Понятно, чтобы не создать на корабле неуправляемый хаос. Люди немного смогут прийти в себя, освоиться и получить минимум информации. Логично, будь я руководителем экспедиции, поступил бы точно так.

Нам надо найти лазарет, кабинет врача и медикаменты. Среди проснувшихся могут быть больные, психологически подавленные и просто ослабшие люди. И им может понадобиться срочная врачебная помощь.

– И ты помнишь все о своей врачебной практике? – Вера скептически посмотрела на врача. – Ты осужденный или доброволец?

– Я не осужденный, а казненный! – Плавунов гордо посмотрел на Веру и Лану. – Я отказался оказывать помощь полковнику Рангару, убийце мирных поселенцев на Таволе, во время «Суточной войны». Он умер от заражения крови. Самое смешное, что его и так бы казнили, после допроса, ну, а так казнили меня, как офицера и врача, дважды нарушившего присягу и клятву Гипократа.

– Как же ты будешь здесь лечить людей, нарушивших присягу?

– Это ведь не означает, что они преступники. Есть еще обстоятельства и их последствия!

Правильно я говорю, Лана?

– Думаю, да! Во всяком случае, я из таких.

– А ты, Вера? – Лана повернулась к нутрициологу.

– Я доброволец! Земля для меня просто звук. Меня никто не ждет и я, уже давно никого не жду.

Глава седьмая

– Ты уверен, что мы не переступаем черту, за которой кончается мораль? – гросс-адмирал Коблец выбил о край пепельницы старинную трубку, достал из ящика тяжелого инкрустированного стола, кисет с табаком, и аккуратно вжимая табак пальцами, набил ее снова.

– О какой морали ты говоришь? – администратор Кругляк ударил кулаком о свою ладонь. – Вся наша жизнь насквозь аморальна. Мы отправляем людей на смерть десятками тысяч, потом, когда у них происходит психологический надлом, мы или выбрасываем их на улицу или судим. А случается, что и казним.

Кобленц, ты когда-нибудь считал, за сколько смертей ты несешь ответственность? Сколько людей по твоему приказу стали калеками, сколько моральными уродами? Сколько овдовевших жен, проклинает тебя, сколько детей готовы перерезать тебе глотку?

Нет? Тогда не говори о морали. Мы подминаем под систему все и вся и все эти люди отрыжка этой системы. Мы прикрываемся законом, а сами творим абсолютное беззаконие.

Да, может быть, мы сегодня тоже нарушаем наши законы, может быть, мы наносим этим людям непоправимые душевные раны. Да, мы сами преступники. Но, мы даем им всем шанс на новую жизнь.

Может эти наши робкие попытки, исправить систему, когда-то дадут мощные ростки и другое поколение, наши дети, изменят этот несправедливый мир?

Мы посылаем их туда, где рука правосудия, нашей конфедерации планет во главе с Землей не достигнет их и не заставит снова склонить головы. Мы даем им шанс начать жизнь заново, на новом месте и только от них самих будет зависеть, какой будет эта жизнь.

Да, и не забудь, я лечу вместе с ними и если колонисты посчитают, наш поступок аморальным, я отвечу за это своей жизнью.

И потом, будут другие корабли. Новые человеческие вливания. Ресурсы, оборудование. Наша колония встанет на ноги и заявит о себе. И пусть это будет справедливый мир.

– С каких пор ты стал пацифистом?

– Я стал реалистом! Из последних ста лет Земля воевала девяносто девять! Причем со своими колониями, а не с мнимыми пришельцами.

Как только какой-нибудь мир заявлял об автономии, туда направлялись карательные экспедиции, выжигающие оружием иномыслие и стремление к самостоятельности.

А ведь в нашей конституции, черным по белому, написано: «Все миры имеют одинаковые права, в том числе право на самоопределение!»! Так-то мой друг!

Я хочу создать справедливый мир, где закон будет не тяжелым кистинем, а правилом поведения, равнозначным как для руководителя так и для простого человека. Мир, где главенствует справедливость, доверие и равноправие, а не насилие и жестокость.

Я благодарен тебе адмирал, что ты мне в этом оказываешь неоценимую поддержку. И только благодаря тебе мои замыслы приобретут шанс на жизнь.

– Поживем – увидим! – Коблец усмехнулся. – Я, конечно, вряд ли проживу еще полвека, но в моих силах отправить с разницей в год-два еще несколько Ковчегов.

Подними за меня бокал вина в новом мире, мой друг!

Коблец встал из-за стола и обнял Кругляка:

– Прощай!

Как вам удаётся держать все это в тайне? Ведь в правительстве не полные идиоты? – администратор Кругляк стоя на террасе подземного комплекса Луна-сити, подняв руки, попытался обнять все пространство на котором стояли сотни анабиозных камер.

– А мы ни от кого ничего не скрываем. – Главный врач Селены Михаил Прудников с усмешкой посмотрел на администратора. – Официально это проект «Статус». Правительство думает, что мы готовим здесь экипажи кораблей для дальней разведки. Мы и официальные рапорты раз в месяц посылаем в президиум конфедерации, и отчеты о расходах, и технические накладные...

И, потом, разве частное финансирование потянуло бы такую глобальную аферу? На девятьюстами процентов здесь задействованы финансы государства. Нас с вами содержит земное правительство! Обслуживание только вот этой части комплекса, обходится в десятки миллионов кредитов.

– А корабли? Ни у кого не возникло вопроса, зачем для разведки эти десяти километровые монстры?

– Адмирал Кобленц, заверил государственный совет, что этот полёт путь в один конец и, чтобы не тратить лишние средства, лучше сразу послать корабль способный нести большой экипаж и приспособленный для колонизации планеты.

– И его поддержали в этой аванюре?

– Ещё как! Кто в правительстве не хочет примерить на себя лавры первопроходцев. Впервые, при их правлении, корабли будут исследовать космос за пределами возможностей варп-двигателей!

Уже триста лет мы летаем в пределах одного прыжка, двадцать световых лет. Колонизировали два десятка планет и спутников. И все дальше тупик.

В правительстве тоже считают, что нужен прорыв. И Коблец пообещал им его, заявив, что отправит звездолёт на пятьдесят парсеков, с экипажем в автоматическом режиме, а это сфера в девять раз превосходящая наши нынешние возможности. И его поддержало большинство членов совета.

– К счастью они не знают истинных размеров нашей авантюры! – администратор посмотрел на Прудникова. – Иначе мы бы сейчас с вами не разговаривали. И не предполагают, кто входит в экипажи кораблей...

– Завтра я начинаю загрузку саркофагов в первый Ковчег «Прорыв», вы будете присутствовать?

– Вас не предупредили?

– О чем?

– Я тоже лечу!

Глава восьмая

– Как успехи? – я и Вадим, вошли в гипернационный зал.

– Вот. – Вера передала мне накопитель. – Здесь время пробуждения членов экипажа.

– А что у вас? – спросила Лана.

– Мы обнаружили инженерный отсек и камеру гиперторов. – Ответил за меня Вадим. – Сейчас мы летим по инерции. В главной рубке можно узнать скорость звездолета, и расстояние до звезды.

– И конечную точку траектории полета. – Добавил я.

– Капитан, наш врач считает, что нужно найти корабельный лазарет, так как среди вышедших из анабиоза могут быть больные люди. – Сказала Лана.

– Или те, кому нужна психологическая помощь. – Добавил Плавунув.

– Согласен! Но сейчас следует немного подкрепиться. Тем более, что теперь у нас есть специалист! Да, Вера?

– Так точно, капитан. Выделите мне помощника.

– Бери Вадима и распорядись. А мы, втроем, поищем медотсек. Связь по коммуникаторам.

– Есть мысли, где может быть медотсек? – спросил я Оскара.

– Если конструкция звездолета стандартная...

– То он между каютами экипажа и главной рубкой, – продолжила Лана. – Если ты помнишь, Дейв, сразу за бытовыми помещениями есть два прохода. Мы были в одном из них, но уперлись в запертую дверь. Там пониженная гравитация, может это и есть медотсек?

– И место надежно защищено, не только щитом и броней корабля, а еще и несколькими рядами палуб. – Закончил Плавунув.

– Тогда не будем терять время. – Я быстрым шагом пошел в направлении главной рубки.

Мы остановились возле запертой двери. Штрих-карта Оскара ровно вошла в паз детектора. Дверь отворилась, и зажегся голубой свет.

Только я переступил порог, как наверху раздалось шипения и меня обдало теплым воздухом с запахом корицы.

– Дезинфектор. – Подтвердил мою догадку Плавунув. В свою очередь, получив дозу воздушных ванн.

Медицинский отсек был разделен на пять неравных частей. Кабинет врача, единственное помещение в котором были матовые стекла, процедурная комната, реабилитационный зал, операционная и карантин.

Реабилитационный зал был под завязку забит различной аппаратурой. Назначение которой мог знать только специалист, но Плавунуву и самому нужно многое было вспомнить, как, впрочем, и всем остальным.

– Послушай, Оскар, – я тронул врача за руку, – может здесь есть прибор для снятия психотехнического блока?

– Обязательно должен быть! Разберемся. Утро вечера мудренее. Может за ночь мозг даст нужные импульсы. Я бы и так снял любые психологические запреты с помощью гипноза.

– Командир, – раздался у меня в ухе голос Веры, – можете дрейфовать на камбуз.

– Спасибо, Вера! Уже идем.

В корабельной столовой все изменилось. Первое, что мы услышали подходя, красивая спокойная музыка. Еще через несколько шагов, до наших вкусовых рецепторов добрались запахи, которые вызвали непроизвольное слюноотделение и заставили наши ноги двигаться быстрее.

– Привет! – увидев нас, крикнула пританцовывающая за стойкой, Вера. – Сегодня в меню овощной суп и жаркое с картошкой. Картошка, к сожалению, порошок.

Кстати, и овощам и мясу без нескольких дней половина столетия. Будем надеяться, что за это время они не потеряли свои вкусовые свойства.

В роли официантов сегодня выступают наши астрогатор и главный инженер. Присаживайтесь господа!

Мы с Плауновым выбрали самый ближний к стойке столик. Тут же Лана принесла горячие поджаристые хлебца, пять бокалов и бутылку коньяка, Вадим и Вера суп и втрое.

– Приятного аппетита! – Вера присела за стол.– Командир скажете слово?

– Тяжело что-то говорить, когда сам не уверен в своих силах. – Я оглядел своих товарищей.– Большинства из нас вообще не должно было быть среди живых. Но, я благодарю судьбу за шанс начать новую жизнь! Без груза за плечами, с чистого листа!

Мы подняли бокалы с коньяком и выпили.

Корабль приблизился к звезде настолько близко, что на главном экране, можно было разглядеть молочно-серебряную сферу, окружающую светило.

– Никогда не встречал такого мощного облака Оорта! – произнес я. Память байт за байтом, используя компьютерный сленг, возвращалась ко мне. Как, впрочем, и к другим членам экипажа.

Лана уже стала разбираться с навигационным оборудованием, сейчас она сидела за пультами позади меня и рассчитывала расстояние до солнца. Вадим последние два дня безвылазно сидел в инженерном отсеке, а доктор настраивал оборудование, для снятия психоблокировки с наших мозгов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.